

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С34

Серия основана в 2010 году
Выпуск 139

Сиголаев В. А.

С34 Фатальное колесо. Пятое колесо в телеге: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 345 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3055-0

Ничего себе сходил в комиссионку за курткой!

Сам не понял, как оказался в центре малообъяснимых событий, несвойственных для развитого социализма начала восьмидесятых. Дьявольщина какая-то. Мистика это или злой умысел? Глупость или злонамеренный расчет, направленный на неокрепшие мозги наивной советской молодежи?

В этом и нужно разобраться внезапно повзрослевшему герою (только что был ребенком, а через минуту... подросток!). А тот факт, что в юной головушке верховодит взрослое сознание из две тысячи пятнадцатого года, жизни не облегчает. Оно как пятое колесо в телеге, это сознание, то не туда свернет, то превысит скорость. Зато так легче видеть зло. Хотя бороться с ним приходится в одиночку, ошибаясь и получая чувствительные удары, теряя друзей и разочаровываясь в людях, падая и снова вставая раз за разом. И положиться не на кого, разве что... на свою первую любовь. Которая тоже очень уязвима.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3055-0

*Посвящается моей любимой сестренке Ольге,
которая моложе меня на пятнадцать лет и на такой
же срок мудрее...*

Почти все персонажи романа являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

ПРОЛОГ

— Уже уходите?

— С радостью. Надоело мне здесь прохлаждаться. А вы, пока это ваше «скоро» не наступило, катитесь-ка... на все четыре стороны!

От души получилось.

Грубо, конечно, зато честно. По-нашему!

Диана задумчиво покачала в руке бокал с вином так, что темно-бордовая жидкость крутанулась по стеклянным стенкам, потом подняла глаза на меня и... замерла.

Гляделки-переглядделки? Поиграть захотелось?

Некоторые женщины любят позлоупотреблять этим делом, когда словесной аргументации не хватает. О! Я действительно сказал «некоторые»?

Странное дело — на краю ощущений показалось, будто ледяная сыпь колючей волной прокатилась по спине, а тело снизу-вверх начало наливаться свинцовой тяжестью, не позволяя двинуть ни рукой, ни ногой. И стало это недоразумение происходить после того, как взгляд случайно зацепился за бокал, который Диана мгновение назад крутила в руке.

Именно что крути-ЛА — в прошедшем времени.

Потому что в настоящее мгновение бокал уже даже и не шевелился. Застыл, как и его хозяйка. Как и... вино в нем! Благородный напиток необъяснимым образом прилип к одной из стенок сосуда и совершенно не собирался выполнять требования закона всемирного тяготения в рамках классической механики. Будто бы центр притяжения нашей планеты скачкооб-

разно оказался где-то в окрестностях административного корпуса местного пионерлагеря и тянул к себе эту странную хмельную жидкость так, как обычно Луна притягивает приливы в океанах.

И таким же необъяснимым образом замерло вокруг все остальное! И тучи над головой, и голые заиндевевшие ветки кустарника на газонах, и даже замеченный краем глаза сухой лист на пешеходной дорожке, взметнувшийся было вверх и неожиданно повисший в воздухе пугающе мертвым куском органики.

Тут что, отморозились все, что ли? Всем миром!

А как же я? Ведь я же не превратился вместе с окружающей реальностью в застывшую муху в янтарном камне! Могу пока еще двигаться. К примеру, переводить взгляд с бокала со взбесившимся вином на лицо сидящей передо мной женщины! И обратно.

Могу, но... как будто во сне. Словно в вязкой и тягучей патоке, с невероятным усилием преодолевая остановившийся бег времени.

Ничего себе сыграл в «гляделки»!

Чего-то не знаю? Какие-то новые правила появились у этого веселенького конкурса?

Диана продолжала внимательно меня разглядывать, и... вот она уж точно не казалась замороженной принцессой, несмотря на то что в руке у нее оказался центр застывшей вселенной в виде вмурованного в реальность бокала. Ее губы самым естественным образом мелко подрагивали, выдавая плохо скрываемую досаду. Не желающий рядом с ней замерзнуть ветерок шевелил прядь волос над изящно выгнутой бровью. А на шее трогательно пульсировала тонкая жилка, будто упрекая весь этот безжалостный мир в избыточной жестокости по отношению к слабой женщине, к этому хрупкому небесному созданию...

Сон.

Так это все, наверное, мне просто снится!

Ведь все признаки налицо — воздух пластилином, железобетон в мышцах и... ангел во плоти прямо перед носом. Нимба разве что этому «боевому ангелу» не хватает — головного убора ангельского общевойскового артикула, мерцающего где-то в районе затылка...

Я на удивление легко прикрыл веки, дабы не видеть всей этой несуразицы, и вселенная послушно лишилась своего естественного освещения. Пришла тьма в обнимку с тишиной и покоем. На миг. Потому что в следующее мгновение отчего-то начала кружиться голова. Сначала легонько, ласково так, а потом качнуло так качнуло! До тошноты. Если бы не всемирный паралич окружающей действительности, я, наверное, грохнулся бы оземь аки селезень Кощеев.

«Вертолет», — так в юности мы называли подобные ощущения.

«Прилетит участковый в голубом вертолете и бесплатно... отсыплет люлей».

Странные ассоциативные образы у восьмилетнего карапуза, коим я в настоящий момент являюсь. Точнее, были бы странными, если бы в голове школьника-второклассника не находились мозги пятидесятилетнего мужика!

Да-да, вы не ослышались — снаружи дите, внутри взрослый дядька.

И... можно подумать, будто с таким объяснением все странности в мгновение ока сошли на нет. Ага, обычное же дело! Старый да малый в одной черепной коробке. Есть даже целая группа ценителей, которым подобная аномалия может показаться нормой. Или же скучной повседневной рутинной. Подумаешь!..

Это был сарказм, кто не понял. Не очень, правда, далекий от реальности, потому что пусть не группу, но парочку таких вот личностей, считающих меня естественным природным явлением, я точно знаю.

Вот одна, к примеру, передо мной...

А почему это, интересно, пьет вино Диана, а «вертолет» своими коварными лопастями качает пространство именно в моей детской голове? Несправедливо это!

Я вдруг почувствовал, как меня вновь нехило так повело в сторону, несмотря на якобы застывшую вокруг атмосферу. Довольно резво потащило. Потом дернуло в другом направлении. Странно как-то шатнуло, по дуге. По замысловатой спирали. А потом пришло ощущение, что меня, а со мной и весь этот странный застывший мир стало закручивать в круговороте с

жутким неумолимым ускорением — от комфорта детской карусели до ощущений пенопластовой крошки в центре торнадо!

Все съеденные за прошедшее утро пирожные вдруг ожили и, дружно гомоня начинкой, подскочили к выходу из организма. Я почувствовал их все поименно. И покалорийно. На какой-то миг перед глазами даже представилась этакая беспоконная очередь хлебобулочных изделий, настойчиво рвущихся на свободу в стесненных условиях моего персонального пищевода. До скандала: «Вы тут занимали? Нет? А я — да! А вас тут, между прочим, и вовсе... не стояло!»

Сюр-р...

Судорожно сглотнув через силу, я попытался тряхнуть головой и открыть глаза. А вот эта, казалось бы, простейшая операция на сей раз почему-то не получилась. То есть абсолютно. В сумасшедшем безмолвном вихре, бесчинствующем во тьме, странным образом перестало слушаться все тело. Теперь не только руки и ноги стали гранитообразными, как у памятника, — оказывается, веки с ресницами тоже предательски примкнули к всеобщей забастовке. Против хозяина, на секундочку. Меня стал игнорировать мой собственный организм!

Обидно, слушай...

Ах так?

Я собрал волю в кулак и... дернулся что было сил к вожаемой свободе. Как осоловевшая рыба в рыболовном садке. Как муха, спеленатая в паучьем коконе. И... с соответствующим результатом. В ответ меня вдруг с ног до головы окатило соленой водой. Настоящей. Морской! Потому что во рту и носоглотке моментально появилась с детства знакомая жгучая горечь. Как будто вновь на пляже хлебнул водички в разгулявшемся море. Да что же это такое? Волна схлынула и тут же вернулась. На этот раз... в обессоленном виде. Как из деревенского пруда — с привкусом болота, тины и рыбьей чешуи.

Ненавижу запах пресноводной рыбы! Не говоря уже о просто грязной воде. Как из лужи! Что любопытно, кружить не прекращало. И светлее в этом чокнутом мире тоже не становилось. Видимо, потому что я до сих пор не мог открыть глаза, как ни старался.

Водные процедуры вдруг закончились разом, и неожиданно шархнуло нестерпимым сухим жаром. Так, что брови за-

трещали — как перед неожиданно полыхнувшим костром в туристическом походе! Режим сушки, однако. Но не успел я додумать ассоциацию со стиральной машиной, как тут же сразу без перерыва накатила леденящий холод. Арктический. До одури. Не бывает в машинке таких режимов!

Даже не понял, что обожгло больше — пекло или мороз.

Говорят, контрастный душ — жутко полезная штука. Для сосудов. Полагаю только, не в моем конкретном случае. Потому что следующий поток воздуха, ударивший в лицо, по температурным характеристикам уже просто не идентифицировался. Рецепторы отказали. К тому же «все смешалось в доме Облонских» — и внешние природные факторы, и внутренние самоличные эмоции. Что следовало, за чем и откуда вообще появлялось — все это казалось непостижимой загадкой для ошарашенного сознания. Вертолетчик, видимо, попался хреновый.

За одно лишь смог я уцепиться, как утопающий цепляется за соломинку, — воздух, рвущий сейчас ноздри, резко пахнет... полынью и шалфеем. А еще — горячей землей, пылью и перегретыми на солнце скалами.

Показалось? Ничего себе глюк!

Я вдруг легко открыл глаза. Непроизвольно тряхнул головой, восстанавливая равновесие. А ведь карусель с «вертолетом» закончилась! Так же резко, как и началась. Нет больше никакого торнадо. И сопутствующих аномалий, кстати, тоже — ни воды, ни жара, ни холода. Прощай, взбесившаяся «стиралка»! И, кстати, мокрым я себя тоже что-то не ощущаю. И сосулк под носом нет. Тело только ломит слегка, как во время начинающейся простуды.

А главное... сижу там же, где и сидел раньше. Как ни в чем не бывало!

И продолжаю держать в руке... надкушенное пирожное.

Э-э... что это? «Картошка»? Что-то уже не хочется...

Я осторожно отложил продукт на журнальный столик и медленно поднял глаза. А почему это все вокруг... такое зеленое? Январь же на дворе!

Захотелось зажмуриться. До звезд под веками.

Медленно, как на разминке, сделал круговое движение головой, хрустнув шеей, а потом опасно открыл глаз. Пока

один. Через пару секунд второй. Сфокусировал зрение прямо перед собой — Диана! Как и прежде, сидит в шезлонге на крыльце гостевого коттеджа и держит в руках бокал с вином, слегка покачивая его круговыми движениями. И жидкость по-прежнему послушно бегаёт по стеклу.

Бегаёт же! Может, когда захочет...

Только за спиной Дианы январский лес почему-то жизне-радостно шумит летней листвой! И в воздухе действительно пахнет травами и южными цветами. И... не холодно вовсе! Кругом скорее полуденный зной, характерный для конца лета. Ни тучки на небе, ни облачка, а ветерок, скользящий из ущелья, не оставляет даже надежды на какую-нибудь прохладу.

Я в замешательстве схватился за подбородок и... а это что такое?

Осторожно, как сапер, провел пальцами по скуле. Что за новые ощущения?

Это что... волосы на щеке?!

— Всего лишь юношеский пушок. Не пугайся. И не надо делать такое лицо.

Я вытаращился на Диану, не в силах сформулировать рвущийся из воспаленного мозга вопрос. Точнее — пару десятков вопросов на тему, что, в конце концов, здесь происходит.

— Я... это. Что... Чего это тут... вообще.

А с голосом что?

Женщина вздохнула, перестала шаманить со своим бокалом и отхлебнула вина.

— Да-да, — согласилась она. — Понимаю тебя. В первый раз всегда трудно сообразить, куда попал.

— К-куда?

— Точнее — «когда»! Место с точки зрения пространства, как ты видишь, не поменялось совершенно. Это по-прежнему спортивный детский лагерь. Называется «Горный». Здесь твой брат-акробат сегодня заканчивает программу сборов. И твоя семья прибыла в эти живописные места в полном составе, чтобы забрать его домой.

— М-моему брату пять лет... всего! Какие сборы?

Диана мило улыбнулась. Заметно было, что ситуация ей чертовски нравится.

Ключевое слово — «чертовски».

— Давно уже не пять, — сказала она. — И даже не шесть. Что ты думаешь насчет... двенадцати?

— Чего?

— Лет, разумеется. Годиков. Не помнишь? Года! Так издревле люди называют количество оборотов планеты Земля вокруг нашего желтого карлика. Потому что согреты... «лучами звезды по имени Солнце». Цой жив. И это, между прочим, буквально!

Почему-то вдруг пронзительно зачесалась кожа где-то в районе носогубной складки. Непроизвольно дернув рукой, я внезапно обнаружил у себя на лице... прыщ!

— Василию... двенадцать лет? — медленно переспросил я Диану, произвольно тыча себя пальцем в раздраженное место.

— Не советую хвататься за лицо грязными руками, — равнодушно произнесла женщина. — Тем более в твоём... подростковом возрасте.

Игнорируя ее благопожелания, из-за какой-то странной новоприобретенной вредности я сильнее надавил на кожу. Больно!

— Говорите... в подростковом?

— А давай посчитаем! — Она будто ожидала моего вопроса, так быстро и жизнерадостно последовал ответ. — Ты же, надеюсь, старше своего... младшего брата?

Издевается.

Тем не менее ответил. В этот раз наперекор самому себе:

— На три года.

— Ага! Уже лучше. В уравнении, выходит, осталась последняя неизвестная величина. Калькулятор нужен?

— Очень смешно, — буркнул я, произвольно ощупывая теперь весь свой подбородок на предмет зудящих аномалий. — Три минуты назад мне было восемь лет. Сейчас, хотите сказать, уже пятнадцать?

Диана вновь покачала бокал с вином, разглядывая, как солнечный луч играет в прозрачной темно-вишневой жидкости. Эта женщина никогда не отвечает на прямые вопросы!

— Буквально в течение часа вы вспомните все прошедшие семь лет, Виктор Анатольевич, — произнесла она серьезным тоном, не глядя в мою сторону и зачем-то переходя на «вы». —

Так, будто все это вы прожили на самом деле. В нормальном, естественном порядке.

Что-то я сомневаюсь.

— Послушайте! — сказал я несколько невпопад. — Вот с головокружением мне более или менее все понятно. «Вертолет» и все такое прочее. Это бывает. Съел что-то, отравился или просто перенервничал, что совершенно неудивительно... при общении с вами. А что это за водные процедуры? Что за душ меня окатил только что? После которого вся одежда... э-э... сухая?

Диана усмехнулась:

— А вы думаете, за семь лет вы ни разу в море не искупались?

Я вытаращился на нее.

Как-то очень медленно, по крупинке стало доходить что-то до сознания. Туговато, правда. Значит, это действительно не совсем бред? Не глюки воспаленного воображения? Получается, меня опять протащило сквозь время? Как того кота по наждачной бумаге, от которого только уши на финише остались?

Чертов прыщик! Не дает сосредоточиться.

Почему-то вспомнилось, как в свое время от проблемы прыщей я легко избавился в течение каких-то трех-четырех месяцев. Не знаю, вредно это или нет, но я просто намыливал по вечерам лицо и давал корке засохнуть. Феерические, надо сказать, ощущения. Зато юношеская напасть, как бишь ее по-новомодному — акне, — как-то сама собой испарилась напроочь.

Так что, эти лихие времена вернулись вновь? Опять мне няшу намыливать?

— Пока все не вспомнил... гм... естественным путем, может, просветите кое в чем?

Говоря, непроизвольно прислушивался к вновь приобретенному голосу.

Ужас! Какой-то козлячий тенорок с периодическими провалами в сторону фальцета. И контролировать это оказалось не так-то просто. С непривычки. Тот еще тембр получался. Гадость какая!

Пришло новое воспоминание — с использованием этих чудесных обертонов приблизительно как раз в этом самом воз-

расте я и начал ублажать уши окружающих, ни в чем не повинных людей старательной перепевкой под гитару шлягеров «Машины» и «Воскресения». Да-да! Именно летом... восемьдесят первого... я впервые осмелился взять свою обклеенную немецкими красотками шестиструнку в туристический поход нашей спортивной группы и... «Вот! Новый поворот!..»

Бедные фанатки!

— Что именно тебя интересует, Витя?

От ее слов — ощущение профессиональной доброжелательности психиатра во время общения с душевнобольным. Где-то я уже это слышал. А и пусть!

— Ирина! Моя напарница, что с ней?

Диана вздохнула:

— Далась тебе эта Ирина. Она вышла замуж и уехала в Киев. Странно. Отвечает почти как нормальный человек.

— За Сан-Саныча?

— За Сан-Игоревича.

— А это еще кто?

Губы у женщины скептически поджались. Еле заметно, но я обратил внимание. Она всегда так делает, когда я «морожу глупость».

— Он ветеринар. Зверюшек лечит — овечек, лошадок. Свиннок. Что ты хочешь еще о нем узнать?

Я засопел раздраженно. В ее контексте «Сан-Игоревич» просто означало «НЕ Сан-Саныч». Мог бы и сам врубиться.

— А что с моим вторым инструктором? Сан-Саныч-то на месте?

Опять эта неприятная усмешка. Раздражает даже.

Или... просто это все подростки такие — легко раздражаемые? Ну да, у меня же ведь «переходный возраст».

— На месте. Продолжает работать в системе. Только... в Норильске. Как ты ему и обещал. Помнишь? «На южном берегу Баренцова моря»? Там, правда, Карское, и до него добрых полтысячи кэмэ. Но, как говорят... вдали от Англии... «хрен редьки не слаще».

— Как это? В смысле... не про редьку! За что его туда?

— Родина послала. Сказала «надо!».

— А...

— А он ответил «есть!».

— Послушайте! Знаете что?..

— Знаю. Вам кажется, Виктор Анатольевич, что я сейчас издеваюсь над вами?

— Не то слово! Вы по-человечески можете мне все рассказать?

— Вряд ли...

Вино в бокале побежало на очередной круг по стеклянному стадиону.

Тревожная какая-то пауза повисла в воздухе. Недобрая.

А не в событиях ли... мм... семилетней давности кроются причины этой ссылки Козета? А, кстати...

— А Шеф наш, Сергей Владимирович, он где? Что с ним? Только просто ответьте! Без выпендрежа.

Ну да, улыбаться мы умеем. А вот с людьми общаться с уважением...

— А он на пенсии, — вдруг просто ответила Диана. И правда без «выпендрежа». — Ушел уже... более шести лет назад. По болезни. Льготный, надо сказать, вариант пенсионного обеспечения.

Мои черные догадки начинали подтверждаться.

— «Ушел» или «ушли»?

— Вы же неглупый человек, Караваев, хоть и выглядите... хкм... волосатым подростком. Догадались ведь уже? К чему эти лишние вопросы?

— Разогнали группу? — упорствовал я, не обращая внимания на сомнительную лесть. — Получается, за то, что некстати обнаружили фашистского недобитка в горькоме партии? Ага! Терки корпоративные начались? Номенклатура развыступалась? Вы хотя бы кивните, Диана Сергеевна, если я прав. Что вы все с бокальчиком своим играете?

Диана вдруг серьезно и без смеха посмотрела мне прямо в глаза. Зацепило?

— Да, вы правы. Вашу группу расформировали. По-тихому. А что это меняет?

А нет, не зацепило. Разве прошибешь эту многовековую флегму?

А наша боевая ячейка, получается, приказала долго жить. Несмотря на былые заслуги и многообещающие перспективы работы с использованием ребенка-уникума. Ну что ж, все бли-

же и ближе времена, когда результат — не главное. Главное... «чтобы костюмчик сидел», да кресла не раскачивались под вельможными задницами. Тогда как мы в свое время уж больно много шороху навели нашей неугомонной четверкой. «Четыре татарина», незваные гости. Поднамозолили, выходит, мы глаз местной... благосфере. А ведь большей частью — все из-за меня!

Я задумался. Семь лет, говорите?

— Послушайте, Диана Сергеевна. А за этот срок я что, ни разу не набарагозил?

Вопрос несправедливый.

Дело в том, что с момента переноса моего зрелого сознания в детское тело ребенок как-то сам собой плавно трансформировался в махрового неадекватата. Как ни старался я шифроваться, обычный школьник все же превратился в продуманного вундеркинда, который к тому же словно магнит притягивал разного рода неприятности. Горе от ума, надо полагать. Взрослые мозги стали шилом в мешке, которое трудно было утаить. А в симбиозе с детскими психофизиологическими процессами в организме, которые просто невозможно игнорировать, я вообще стал ходячей миной замедленного действия. Что, к слову, на лету ухватил наш Шеф, используя в практической плоскости эти мои чудесные свойства.

Так что, за семь лет — и ни одного срыва? Ни одного хоть малюсенького эксцесса?

Не поверю.

— А пассажир вышел из трамвая, — непонятно сказала Диана, явно скучая, — вышел, чтобы добраться до нужного места, скажем... на метро.

Ага. Вышел, значит.

Надо думать, как раз в тот момент, когда вино в бокале прилипло к стенке. Развели тут аллегории, понимаешь. А сейчас, получается, пассажир все-таки вернулся в свой родной допотопный транспорт? После того как его в метро искупали. И ошпарили, как куренка.

Только вот напрашивается вопрос...

— ...А зачем?

Диана усмехнулась:

— Затем, что на метро быстрее.

— Вы меня поняли, не надо юлить. Я имею в виду — в чем заключается смысл этого вашего колдовства со временем? Зачем это надо именно вам?

— А нет смысла. — Диана допила вино и аккуратно поставила бокал на столик. — Есть только мои желания и смутные ощущения, что все делается правильно. Почему-то мне кажется, что отроку Караваеву снова нужен наблюдатель из двадцать первого века. Наблюдатель, советчик и куратор. Вы ведь не подведете это молодое и неразумное тело?

— Вообще-то... в свое время это тело благополучно повзросло и без куратора. И ничего страшного не случилось, знаете ли. Я случился. Какой есть.

— Не будьте таким эгоистом, Виктор Анатольевич. А вдруг кому-то помощь ваша понадобится? Так сказать, базирующаяся на опыте прожитых вами лет. Неужели не окажете?

— Кому это моя помощь может понадобиться?

— А понятия не имею! Может, бомжу какому-нибудь. А может, и президенту...

Я только головой покачал.

— Какому президенту? Какому бомжу? Вы с какой планеты сюда прилетели? У нас в Стране Советов нет ни тех, ни других!

— Вот видите! Вы даже в этом лучше меня разбираетесь. Как же без вас?

Ничего не понял.

Что она этим хочет сказать?

— Ну-у...

— А еще вас ждет сюрприз!

— Какой? Не люблю сюрпризов.

— Увидите. Он заметный, не проморгаете.

— А...

— Все! — Диана решительно встала из шезлонга. — Достаточно. К тому же вам уже пора. Не стоит волновать маму, она у вас на девятом месяце беременности. Вы отпросились у нее к другу на десять минут, а прохлаждаетесь здесь уже добрых полчаса. Не стоит нервировать своих близких! Вон они, кстати, около рожицы, легки на помине. Сюда, между прочим, идут.

Я посмотрел в ту сторону: мама с животом, бабушка с авоськами, Василий — ладный коренастый крепыш в тенниске и спортивных штанах. Отца нет, он, кажется в команди-

ровке, в Сибири — я действительно почувствовал, как начинают выплывать из глубин памяти детали моего собственного «бесконтрольного» существования.

К примеру, вспомнил, как неделю назад успешно сдал вступительные экзамены в судостроительный техникум и завтра — первый сбор учебной группы. Как ее? А! М-111. «М» — это значит «механик судовой», первая единица — номер курса, вторая — порядковый номер группы, их всего две на потоке, а третья — последняя цифра года: 1981. Все помню как вчера.

Впрочем... уже как сегодня.

Вновь крутанулось загадочное колесо, не перестав от этого казаться фатальным.

Пятое колесо в телеге!

Я медленно повернулся к Диане, а... ее уже и след простыл! Словно растворилась в пространстве. Или во времени? Рисовщица.

Ну, что ж. Будем осваиваться в новой... старой действительности. Уже не привыкать.

Спрыгнув с высокого крыльца, я побежал было навстречу собственному семейству, потом опомнился, тормознул и зашагал солидно и степенно — чай, не маленький уже козлом скакать!

Надо не забыть Ваське дать братского подзатыльника в качестве приветствия.

Традиция, однако...

Глава 1

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

— Все! Хватит спорить. На тебе двенадцать... э-э, стойка... жирно будет. Вот тебе десять рублей, и покупай сам чего захочешь!

— Ну, ма-ам...

— Все, я сказала!

Мама беременная, поэтому нервная. Я — подросток, поэтому... трудный.

Очередные разногласия возникли у нас по вопросу высококультурному и, можно сказать, художественно-концептуальному. А именно — в чем приличный молодой человек должен идти завтра на организационные сборы в техникум: в «правильном солидном пиджаке, как у людей» или в «безобразной подстреленной курточке для шантрапы».

Заметили, как сформулирована проблема?

Так что очень трудно ошибиться в выборе правильного ответа. Без иллюзий! Я тем не менее, по мнению матери, все-таки умудрился найти неверное решение. Разумеется, в пользу современного «куртеца», а не допотопного «лапсердака».

Впрочем, ни того, ни другого у меня все равно пока что нет — в школе до восьмого класса обходился форменным прикидом, а летом по причине проживания в южном регионе страны все каникулы пробегал в футболках да теннисках. Да! Была еще в моем арсенале шикарная туристическая штормовка из брезентухи, которую я окончательно ухайдакал в походах, и крутая майка-борцовка, выгодно открывающая высушенные подростковые бицепсы, размер которых все-таки оставял желать лучшего.

Эту майку из темно-серой шерсти мне связала бабушка. На зиму. Чтобы, значит, внучок надевал это дело под рубашку и

не мерзнул почему зря. Однако этому чудесному аксессуару нашлось более достойное применение — в майке я ходил, вы не поверите, на море! Потому что выглядело это почти как у хиппи. Жарко, правда, бывало до чертиков, как бабуля и планировала, но это только туда, на пляж. На обратном пути было все же полегче, майка тогда была уже того... мокрой.

Да-да, я в ней купался!

Были такие у нас обычаи, и у парней и у девчонок, — кто в футболке сиганет в воду, кто в трениках. Девчонки любили плескаться в позаимствованных у пацанов мужских рубашках, завязанных узлом на пузе. Без лифчиков, разумеется. А я принимал водные процедуры в... бабушкиной шерстяной майке и плавках! Иногда еще и в брезентовой панаме на голове с завязанным под подбородком шнурком. Сам пришил... в целях оригинальности. Ну и чтобы не терялась в глубинах.

Отлично помню, с каким ужасом от меня шарахались пассажиры в автобусе на обратном пути с моря, а я млеял от чувства подросткового достоинства и собственной исключительности: ведь никто из друзей до такого не додумался — ехать в мокрой тряпке в общественном транспорте аж с Фиолента в центр города. А может, и не у всех были такие классные бабули, как у меня...

Только в любимой майке в техникум не погрешь.

Или все же... Да нет, нереально.

Я, конечно, парень хипповый, но не до такой же степени безбашенности! Опять же прекрасно помню, что та дискуссия с мамой по поводу технарского дресс-кода окончилась в мою пользу. Победила купленная в комиссионке куртка! Странноватого вида густо-зеленая вельветка в стиле «вестерн» (разумеется без бахромы), за необходимость приобретения которой я стоял насмерть. Как те упертые триста спартанцев, которые делали нервы персам в Фермопильском ущелье. Мама, устав тогда бороться с моей безнадежной твердолобостью, только устало махнула рукой да и пошла в кассу оплачивать одиозную покупку.

Только ведь тогда мы ходили в магазин... вместе!

Что поменялось-то?

Почему в этом варианте юности мать отправляет меня на шопинг одного? Надо думать, кое-что обновилось в окружаю-

шей реальности? Где-то и когда-то вновь была раздавлена пресловутая бабочка Брэдбери? Очередная, надо думать. Не перевелись бы...

Очень любопытно. Получается, в этом слегка обновленном мире мне доверяют чуть больше, чем в прежней жизни. Взрослее, стало быть, считают. Самостоятельнее. Эх, есть повод зазнаться! Сказались все же те полтора года путешествия взрослого беспокойного пассажира из будущего в «старинном детском трамвайчике». И даже его семилетнее отсутствие в вяло пыхтящем транспорте не изменило ситуации. А кто-то из фантастов считал, что время, как болотная тина, затягивает все привнесенные извне возмущения и пытается выровнять искажения в естественном ходе событий. Не работает гипотеза! Мы сами лепим под себя наше будущее, хотим мы этого или нет. Просто есть смысл задумываться об этой закономерности почаще и делать правильные выводы. Только кто об этом думает в пятнадцать лет?

Разве что... я.

И то проживая свое детство и юность по второму кругу.

Повезло так повезло!

— Мам, а ты не помнишь... э-э... то есть я хотел сказать... если бы ты со мной завтра пошла... Короче! В каком магазине мне лучше всего прибахлиться? Не подскажешь?

Спросил и... почувствовал, как под ногой шелкнул запал взрывателя.

— А что такое? — «расцвела» мама. — А где же наша великая самостоятельность? Ты же взрослый уже! Сам же только что выступал: «Мне носить... Мне решать...» А чуть что — сразу «мам»?

М-да.

А знаете, почему подростков традиционно считают «трудными»? Не поверите — из-за «трудных» родителей! Ну что, разве сложно ответить просто, по-людски? К чему эти... унижения формирующейся личности? Нельзя же вести себя так авторитарно с вольнолюбивыми «детьми цветов». Помню я, что «шопились» мы тогда с мамой в какой-то комиссии, а вот конкретно в какой из них — вылетело, знаете ли, из головы, за... без малого сорок лет отсутствия.

— Думаю, около «России» есть неплохой магазинчик одежды. — Я демонстративно не реагирую на обидные раздражители и пытаюсь с мамой общаться миролюбиво, «по-взрослому». — Помнишь? Через дорогу, напротив кинотеатра. Наискосок.

Мама как-то странно на меня посмотрела, нахмурилась, будто пытаюсь что-то вспомнить, а потом молча кивнула. Согласна, мол, годится. Туда и шпарь. Вон оно что! Это матери, по всей видимости, вспоминаются психологические катаклизмы семилетней давности, когда я невольно пугал окружающих своей неконтролируемой «взрослостью». Вернулся демон?

Да, мама. Вернулся. Трепещите, смертные!

Хотя... права любимая родительница: лучше надо маскироваться! Тем более что, как я уже говорил, события прошедших лет благополучно откристаллизовались в текущей памяти. Нарисовались в деталях, хрен сотрешь. И... впечатлений уникама в последнее время я уж точно не производил. Так, стандартный подросток уровня разве что чуть выше среднего. На «четверочку».

Этого типажа и нужно придерживаться.

Вспомнился «бородатый» анекдот времен начала восьмидесятых:

«— Ты же дворник, дядя Вася, сбрей бороду, на Карла Маркса больно похож! — Бороду я, положим, сбрею, а вот умище-то куда девать?»

Вот и мне — куда девать умище-то?

Прикинуться-то середнячком я, положим, прикинусь, только что делать с многомудрым взрослым сознанием в неугомной подростковой голове? С этой страстью к справедливости и занудному морализаторству? И чего это мы все, старички, такими «правильными» становимся с возрастом? При чем чем больше безобразничали в молодые годы, тем праведнее пытаемся выглядеть к старости! Из-за того, что куролесить уже нечем? Что за двуличие?

«Ах, знала бы молодость... Ах, старость могла бы...»

А вот в моем случае... нашли, знаете ли, друг друга два непримиримых антагонизма. Слили в экстазе. И «могу» я теперь многое, и «знаю» немало. Как удержаться от искусов с такими возможностями? Появился, понимаешь, рог у «бодливой

коровы», словно лишняя беспокойная нога у пресловутой собаки. И не дают эти дополнительные аксессуары спокойной жизни бедным изувеченным животным.

У телеги появилось пятое колесо! Причем ведущее.

«Сгорают души в прах под колесом фатальным...» — спасибо, Омар Хайям. И не поспоришь с гением — судя по рискованным моим приключениям в возрасте семи лет, иначе как «фатальным» это пятое колесо и не назовешь! Хотя бы по количеству «зажмурившихся» на моем пути злодеев. И по способам, отправившим их в мир иной.

Уфф! Вспоминать жутко.

Я вдруг заметил, что в нашей с мамой дискуссионной баталии возникла несуразная пауза. Мент родился! А еще — за мной внимательно наблюдают. Пристально и со все возрастающим подозрением.

— Э-э... — протянул я, соображая, как выкрутиться. — М-да. У «России», значит. Комиссионка. Туда, значит, и... Слушай! А как тебе нравится имя Ольга?

Беспрюирышный вариант для экстренного перевода стрелок на другую тему.

Выбором имени для сестры, которая, я знаю точно, появится ровно через одиннадцать дней, вся наша семья занимается уже битый месяц. Исступленно и непримиримо. Папа склоняется к патриархальным Верам и Дарьям, мама — к более продвинутым Алисам и Снежанам (не дай бог!). Бабуля, папина теща, втайне мечтает, чтобы внучку назвали Раисой, в честь... нее, любимой. Наивная — плохо она своего зятя знает! Тот быстрее Авдотью выберет из патриархального арсенала.

Я же до последнего момента на эту тему помалкивал. Из деликатности. А Ваське, брательнику, просто наплевать. Он очень болезненно воспринимает сам процесс постепенного смещения координат ценностей с его персоны на будущую родственницу. Я это, кстати, тоже заметил — родители в предвкушении появления новой игрушки к нам, пацанам, стали как-то прохладненько относиться. Без привычного руководящего и направляющего пресса. Мне так даже по кайфу, в силу переходного возраста, а малой эгоистеныш бесится втихаря и не по-детски ревнует.

Так вот, вариант «Ольга» на семейном совете пока не рассматривался.

И я даже знаю почему...

— Не-эт. Что ты? — Мать моментально забыла о беспокоящих ее подозрениях. — Ольга. Оля. Леля... Нет. Точно нет. Слишком просто! И... Леля... фу!

— А ты не называй ее Леля! — подлил я масла в огонь, точно зная, что в самый последний момент, устав бодаться друг с другом, мама и папа останутся именно на этом компромиссном варианте. — Никто ж тебя не заставляет. Зови ее просто Оля! Чем плохо?

— Оля... Оля-Оля, оля-ля. Да точно нет!

— Почему?

— По кочану!

Аргумент!

Вот и поговорили.

Наивная моя мама! Даже не подозревает, что семя уже ушло в благодатную почву и в эту самую минуту начинает экстренно проклевываться — одиннадцати дней как раз и хватит, чтобы дать крепкую здоровую поросль. Поздравляю, Ольга Анатольевна, судьба вашего имени предreshена! Не будем полагаться на волю случая.

Самотек — не наш метод!

— Ну, как хочешь, — отступил я на заранее подготовленные позиции. — Прасковья Анатольевна тоже нефигово. Или... Ефросинья, Агафья... Даздраперма — вообще офигеть!

Это был финальный мазок кистью. Не... «энерген» для зернышка!

Мать злобно зыркнула в мою сторону и отправилась на кухню — возмущенно греметь кастрюлями. А я плюхнулся на стул у своего персонального письменного стола. Да-да! По поводу окончания школьной восьмилетки и моего успешного поступления в технарь мне полагался письменный стол и прилегающий к нему кусок жилплощади — целый угол нашей квартиры, где на стенке я еще разместил радиоточку, пару светильников и всунул к батарее отопления кресло-кровать — для изучения низменных наук и размышлений о глобальном — в тепле и в... горизонтальном положении.

Ну и для банального ночного сна, чтобы далеко не ходить.

Раньше мы этот письменный стол эксплуатировали совместно с братом. Теперь — все! Я типа взрослый, и мне с мелочью пузатой рабочий орган по приобретению знаний делить как-то не с руки. А братан и на кухне домашку делает. Ваське, впрочем, и это пофиг. Ему нравится гулять и заниматься спортом, а учатся пускай «зубрилы» вроде меня! Ну и ладненько.

В другом проблема.

Куртка, конечно, дело хорошее, только... мозгами «куратора» из двадцать первого века все же понимаю — мать права. Пиджак в технаре, как ни крути, органичнее выглядит. По всем показателям. Я, настояв в то бунтарское время на своем капризе, весь первый курс выглядел... папуасом. Точно так же, как выглядит отморозок в мокрой шерстяной майке в переполненном автобусе.

И переигрывать эти нюансы как-то страшновато. Бабочка Брэдбери, помните?

Дожился. Что-то семь лет назад этикие тонкости меня мало заботили!

Погрузившись в тяжелые раздумья, я непроизвольно колупал каплю засохшего силикатного клея на толстом стекле, лежащем на столешнице и облагораживающем мою канцелярскую вотчину.

А ведь дело не в одежде.

Не в яростном сражении приличного пиджака с неприличной курткой. У меня же обыкновенная депрессия! Типичная, подростковая, я бы сказал, если бы не опасался выглядеть капитаном. Очевидность. Гормональные метаморфозы. Что-то в организме растет быстрее, что-то отстает. Черт, и не глянуть нигде, что именно, — ни компа тут нет, ни интернета. Средневековье. Хоть опять шпарь в библиотеку! Ага, а там этот неоднозначный и слабо идеологически выдержанный материал прямо на центральном стенде размещен. Щ-щас...

К черту библиотеку! Я забрался с ногами на свой лежак и потянулся к гитаре: «И новой муки ищут руки...»

Точно. Примерно так я и рефлексировал в своем беспокойном отрочестве.

М-да, ну и времечко.

Глава 2

ПОКОРЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ

Мучает меня один вопрос.

Насколько я понял из намеков женщины, в той или иной степени причастной к странностям, что сейчас со мной происходит, нужен я ей из чисто корыстных соображений — планируется якобы моими скромными силами оказать неким людям какую-то важную и неоценимую помощь в священном деле сохранения любимого нами всеми Советского нашего Союза. Не слабо так, да? Есть, конечно, у меня подозрения, что все это чушь собачья для легковверного лоха, но... вопрос не в этом.

Если даже все принять за чистую монету и поверить в прогрессорскую лабуду, остается непонятным вот что — почему это взрослые мозги, семь лет назад куролесившие в детском теле и оставившие его по невыясненной до сих пор причине, именно СЕЙЧАС вернулись все же в эту беспокойную пятнадцатилетнюю голову?

Ни раньше ни позже?

Царю Леониду править еще больше двух лет, претенденты на лафетную гонку еще живут и здравствуют, меченый реформатор-неадекват даже и не предполагает еще, что в марте 1985 года получит бразды правления страной в свои шаловливые ручки. И понесется тогда... зверек... по кочкам: «ускорение», «перестройка», «плюрализм мнений». А там и до катастрофы в Беловежской Пуще будет рукой подать.

Но сейчас до нее больше десяти лет!

Пять из которых более или менее спокойные. И что требуется от меня на эдаком расстоянии от ключевых событий? Что я должен поменять в заданной действительности?

Непонятно. Это с одной стороны.

А с другой, между прочим, вопрос похлеще — а что я вообще могу тут сделать? Об этом, кстати, я и раньше размышлял неоднократно. Еще... кхм... в первом классе (прикольно звучит). Да и во втором тоже. И всегда мои рассуждения приходили к неутешительному выводу: ни хрена я здесь не могу поменять! Чего бы там Диана мне на уши ни вешала.

Тогда к чему эти экзерсисы со временем и переносом сознания? Не понимаю. Отчего нервничаю и злюсь, потому что

приходится болтаться в собственной юности, словно... цветок в проруби. Того и гляди, пахнуть начнешь!

Ладно... пока суд да дело, будем обживаться в новом мире. Точнее, в старом, хоть и слегка подзабытом. Кстати, в этой связи странные у меня какие-то ощущения. Двоякие. С одной стороны — все мне здесь знакомо до мелочей. Ожидаемо. Все близко, привычно и понятно. И не в качестве отголосков тридцатипятилетней памяти о смутной и далекой юности, а так, словно я действительно все это прожил и пережил буквально только что и... между прочим, продолжаю переживать и сейчас. То есть я действительно в теме, как и было обещано коварной Дианой.

С другой стороны — все равно я тут чужой!

Потому что помню и знаю, что случится через десять, двадцать, тридцать лет с моим городом и моей страной. И понимаю, что сытое и беспечное благополучие в этой громадной тихоходной посудине под названием СССР на поверку окажется настолько хрупким и ненадежным, что достаточно будет одному недалекому комбайнеру, прикинувшемуся волей обстоятельств нашим общим кормчим, лишь чуть резче обычного дернуть рулем в сторону, и... все пойдет прахом!

И это тайное знание жжет меня изнутри.

Из-за него я вижу то, чего не дано видеть другим. Я легко замечаю вокруг себя отчетливые знаки грядущих катаклизмов, в обыденных пустяках угадываю фатальные противоречия, в глупых недоразумениях — мины замедленного действия. В естественных поступках обычных людей вдруг обнаруживаю вопиющее равнодушие, скрытый цинизм и мешанство. И прогрессирующий воинствующий эгоизм, который неведом старикам, хлебнувшим военного лихолетья и нужды послепобедных лет. Голодных лет, чего уж греха таить.

А сейчас, в благополучные, без всякого сомнения, годы, я отчетливо вижу ЭГОИЗМ СЫТЫХ! Который еще и культивируется исподтишка апологетами священной частной собственности.

Все это вкупе лишний раз напоминает мне, что страна, оттрубившая с помпезным пафосом прошлогоднюю Олимпиаду, тянущая за уши в социалистический рай беспокойных беспорточников третьего мира и внушающая священный ужас всем

без исключения воротилам мирового капитализма, на самом деле беспомощна и уязвима. Перед глупостью и подлостью собственных граждан. Зажравшихся граждан, спешу заметить!

Стругацкие называли грядущую ломку «СЫТЫМ БУНТОМ».

Может, поэтому меня и «выкинуло» именно сейчас? Заведомо.

Потому что вижу отчетливо — «бунта» как такового даже и не потребует. Достаточно будет «сытого» себялюбия, чванства и беспринципности. Аморфности. Безучастия и высокомерного брюзжания из-под ароматной отрыжки после употребления вполне соответствующей мировым стандартам докторской колбасы: «А у них там кушают лучше!»

Медленно, но верно проявляются среди однородной и правильно идеологически выдержанной народной массы пионеро-комсомольцев предтечи секты «кружевных трусиков», привикающие постепенно молиться бездумно на возжеленный Запад. На «Град на холме», далекий и прекрасный. С запахом «риглеспермина» и хрустом новенькой «джинсы» в промежности.

Ментальный вирус.

Происходит!

Происходит уже заражение. Махровая и безболезненная оккупация моей страны враждебной чужеродной составляющей. Тихая и неумолимая. Не вышло когда-то у злодеев сделать это танковыми клиньями, обломались. А вот против «бочки варенья да корзины печенья»... мы сами слабоваты оказались. Не все, конечно, но кое-кто готов покориться уже прямо сейчас.

Вот что происходит — ПОКОРЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ!

Ни много ни мало.

И это пока в нашем благополучном мире понимаю только я.

Один!

Потому что родом из будущего. Потому что, если быть точнее, наше общее горемычное будущее у меня уже... в прошлом. Наше трагическое, бестолковое и парадоксальное будущее. Уникальное, я бы сказал. Неведомое и непостижимое для продуманных европейцев и прагматичных американцев.

«Умом Россию не понять», — давайте дружно скажем «спасибо» дальновидному поэту-гению за эту логическую броню. За преграду, куда мы теперь по-страусиному можем прятать свою бестолковую головушку. На самом деле — гениальную в масштабах человеческой цивилизации, по-славянски бесшабашную, по-мужицки сметливую, по-богатырски удалую, но... все равно бестолковую!

Особенно по западным и заокеанским меркам.

А еще эта голова очень доверчива и наивна.

До инфантильности.

Да-да, именно такая она у нас — странная и беспокойная. Одна на всех — на более чем двести шестьдесят миллионов сытых и благополучных простофиль. Только вот не видит никто пока этой ненормальности, никто... кроме меня.

Время, стало быть, еще не наступило.

А я уже здесь!

В эпохе сытой беспечности, культивирующей в обществе с молодых ногтей.

С октябрятско-пионерско-комсомольского единогласия.

— Эй, чувак! Хиляй к нам! Слышь, фантик?

Ну, вот, пожалуйста! Говорил же... И... при чем тут «фантик»?

Я недоуменно оглянулся вокруг.

— Наверх! Эй, «зеленый», наверх глянь! Тут мы, в общаге!

«Зеленый» — это потому что вопреки материнскому наказу приобрел я все же в коммиссионке вожделенную курточку. Яркую и нарядную. Видимо, «фантик» — именно по этой причине. Да я и сам на радостях даже на троллейбусе не захотел ехать обратно! Ну как же тут не прогуляться в обновке по свежему воздуху — через широкую Карантинную балку, вдоль дачных домиков и старинного кладбища, мимо студенческого городка строительного техникума. Главное, успеть домой засветло.

А тут...

Зов доносился справа и сверху, где меж зарослей кипариса торчал угол общежития строительной бурсы. И там угадывалось какое-то скопление беспокойного студенчества, прямо на балконе. И рассмотрели же меня на таком расстоянии, зоркие соколы! А точно ли это меня зовут?

— Чувак! Че крутишься? Эй! К тебе обращаются, «зеленый»! Двигай давай сюда!

Я пересек небольшой газон с хвойными зарослями и задрал голову:

— Чего надо, парни?

— Братан! Поднимайся к нам. За углом лестница.

Ну... лестницу я, положим, вижу — металлическая «пожарка» в торце здания, змейкой бегущая кверху — от этажа к этажу. Только... на кой это мне?

— А че хотим-то?

— Тебя... это... дамы приглашают... гы-гы. На день варенья! Что за напасть?

— Эй! Я здесь! — Какая-то девчонка машет мне рукой. — Это я приглашаю! Это у меня сегодня именины! Не бойся.

Я пожал плечами. Чего мне бояться? Чай, не девяностые на дворе, человек человеку пока еще друг, соратник и брат. Ну... или сестра.

— Ша иду!

Однако... я даже заинтригован.

Потому что не помню в своей биографии такого события. В тот день мы с матерью проехали на «шестерке» до комиссионки, приобрели после штатного ожидаемого скандала для меня обнову да и вернулись себе назад — без приключений и потерь.

Новый сдвиг в реальности?

Стараясь из соображений солидности сильно не торопиться, я поднялся на третий этаж и толкнул застекленную дверь. Общага как общага, свежавыкрашенные к учебному году стены уже кем-то испорчены: черный пацифистский значок прямо по масляной краске — обычное дело.

— Лена, — встретила меня в коридоре именинница, пухлая и не очень высокая красотка с рыжими волосами. — Ты не пугайся, я просто в «бутылочку» проиграла.

Ах, вон оно что! Старая добрая «бутылочка».

— Давай, кореш, присоединяйся к нам. — За спиной у именинницы маячил крепко сбитый улыбчивый парень. — Я Артем, жених этой барышни. В дверях вон Никита торчит, там внутри... ну, там и разберешься.

— Не слушай его, — отмахнулась строптивая невеста. — Жених! Раскатал губу, фантазер. Мечтать не вредно!

— Ты меня отвергаешь?

— Даже не сомневайся!

Гордо дернув головой, девчонка исчезла в комнате справа по коридору.

— Не сильно-то и хотелось. Слышь, чувак, не обращай на этих баб внимания. Вино будешь? Тебя как звать-то?

— Витя, — пожал я руку новому знакомцу, благоразумно не став выяснять отношений по поводу «фантика». — Вино не буду. «Бэ-эф», поди?

— Ну, — опять улыбнулся Артем. — С водкой мешаем. А водку будешь?

— И водку не буду.

— А спирт?

— Да я погляжу, у вас тут просто... карта вин! Изобилие напитков.

— А то!

— Спасибо. Повременю пока...

Я шагнул в комнату.

Мальчишки, девчонки, числом около восьми. И возрастом — шестнадцать плюс-минус год. Явно не абитура, старожилы, стало быть. Перед началом семестра возвращаются в общагу от родителей, сваливают харчи в общий котел и гудят вплоть до первого сентября — обычное дело.

Шумная и веселая компания, дым коромыслом. Кто-то ржет, кто-то пьет, кто-то в шутку мутузит товарища. Одна пара танцует — из бобинника льется увесистый медляк «Юрай-Хипа» в хорошем качестве. А альбомчик, между прочим, новье — довольно чистая запись с диска прошлогоднего розлива.

Неплохо... для конкурентов.

Надо сказать, что мы реально конкуренты. Два наших городских техникума — строительный и судостроительный — просто по умолчанию обречены на соперничество. Хотя бы потому, что аббревиатура одинаковая, как фамилия у однойцевых близнецов. И мой технарь в силу морской специализации выигрывает по всем параметрам: в городе все же база Черноморского флота! С другой стороны — все здесь постоянно строится, растет невиданными темпами. Это в их кассу плюс. Зато у

нас есть «вышка» — приборостроительный институт, наш шеф и старший брат. Фактически мы его филиал со средне-техническим «потолком» — методички, библиотечные фонды, преподаватели одни и те же.

Шах и мат, штукатуру!

— Ты где учишься, брат? — доброжелательно поинтересовался Артем, аккуратно разливая «шипучку» по столовским кружкам. — Или работаешь уже?

— Не-а. Не работаю. В судостроительном буду учиться, — честно признался я. — Поступил только.

— О! Враг наш?

— Ага. Лютый.

То, что наше соперничество не переходит пределы разумного, тоже обязательно следует подчеркнуть. Драки начнутся только после восьмидесяти четвертого года, не знаю даже, по какой причине именно тогда. Какой-то Рубикон переступит весь город. Всюду начнутся жестокие групповые побоища. С травмами и увечьями разной степени тяжести. Против «панков», против «битлов», «хиппов», «металлистов». Интересно, что первые конфликты начнутся большей частью именно по музыкальным предпочтениям. А чуть позже вспомнится и конкуренция двух «бурс».

Пока же между нами лишь снисходительное подзуживание.

— Давай, мазута, располагайся. Наш дом — твой дом. Готовься, тебе еще Ленку целовать. Только не увлекайся, смотри...

— О! Даже так? На первого встречного бутылочку крутили?

— Ага. Слушай, «Бэ-эф» двенадцати градусов крепости! Ты чего бухнуть-то боишься? Давай! Для храбрости. Или мама не разрешает?

Наша песня хороша, начинай сначала.

Вообще в нашем возрасте отношение к алкоголю — вопрос статусный.

Не пить ты просто не имеешь права, нехорошо это. И подозрительно. К тому же реально по-настоящему на самом деле не пьет никто. Потому что вино, даже такое дешевое, как «Бахчисарайский фонтан», — ценой чуть больше рубля, — пока еще очень хорошего качества. Иными словами, «вставляет» быстро и надежно. И почти без похмелья на следующий день.

Только кому это понравится — бездарно вырубиться и потеряться на этом празднике жизни где-то в районе плитуса? Ищите дураков! Поэтому большей частью вино чуть пригубляют и изображают после этого пьяный кураж — каждый в силу богом данных артистических способностей. Случается, что и талантливо. Опять же экономия какая!

То, что мой новый знакомец Артем заикнулся про водку, тоже одно из статусных начал. На самом деле такие крепкие напитки пьют только или дураки, или крестьяне-колхозники. «Кресты». По все тем же вышеуказанным причинам. Хуже только можно разве что «дурь» покуривать, но сей порок в наше время — общепризнанное «сельюковское долбоящичество». Что, вина мало для полного счастья?

Странные люди эти наркоманы!

Вот такое золотое время. Гораздо менее алкогольное, чем станет оно после антиалкогольной кампании, устроенной меченым реформатором в восемьдесят пятом.

Парадокс.

— Было бы странно, если бы мама мне бухать разрешала, — равнодушно отмахнулся я от неудавшегося собутыльника. — Не хочу просто продукт переводить. Гляжу, пузырь-то у вас один. На такую банду.

Кто-то одобрительно хохотнул. Попал, значит, в точку.

— Как тебе наш музон? — подкатил ко мне жутко лохматый сутулый парень в черной застиранной футболке и с шальным глазом. — По кайфу?

— А то! Это же «Кóнквест»? Переводится как «Покорение». Надо же, и здесь... «покорение поколения»! Как знак...

— Чего?

— Да не бери в голову. Это я о своем. А вообще... умáтно, классный альбом! Люблю «Юрай-Хіпов».

— Надо говорить — «Юрай-йЯ».

— Те же яйца...

— Те, да не те.

— Как скажешь. А где такую запись отрыли?

— Там уже нет! Хочешь, переписать дадим?

— Хочу. — Я рассеянно рассматривал белый значок анархии, намалеванный на футболке нового знаконца, корявая буква «А» в круге. — Ты что, анархист?

— Что? А... это. В журнале видел. Сам набивал, поролоном. Классно?

— Прикольно. Может быть, у тебя... и майка шерстяная есть?

— Какая майка?

— Забей! Это я снова о своем. Думал, братана встретил по... фэшн-загибам. Короче, что там с перезаписью?

— Ты это, давай приходи сюда завтра. С утра... нет, лучше к обеду.

— Завтра не могу. В технаре сбор.

— Ну... послезавтра тогда. У тебя кассетник?

— Не-а, бобинник старый.

— Ну, ничего, тащи. Шнур у меня есть — «европа». Распайка на твоём магe правая?

— Ага.

— Тогда прокатит... Ой! Ты чего?

Ленка-именинница бесшумно подкралась сбоку и с деланным возмущением ткнула маленьким кулачком моего музыкалюбивого собеседника в бок.

— Ничего, — пожалала плечами как ни в чем не бывало. — Утомил ты уже своей музыкой! И вообще... объявляется белый танец. Дамы приглашают... браконьеров.

— Это же... Это «энергичный» танец, — попытался съехать я через «Афоню». — Музон же быстрый!

— И че? Пригласили — танцуй!

Дурашливо хлопнув меня по плечам, она водрузила сверху руки, и мне ничего не оставалось делать, как приобнять ее за талию. Музыка, если честно, долбила в среднем темпе. Модерато. Что достаточно комфортно для «медляка». И, к слову, в танце именинница двигалась на удивление уверенно и точно — ровненько по тактам, несмотря на то что до этого старательно изображала из себя подвыпившую «шальную императрицу».

— Играешь на чем-нибудь? — шепнул я ей прямо в ухо.

Она заметно вздрогнула от неожиданности и слегка отстранилась, сбив темп:

— А ты откуда знаешь?

— Я даже знаю, как твои духи называются.

— Ну... и как?

— «Шанель». Номер пять. Капля на ночь. Правильно?
Беспронимательный вариант.

Назвать рижский «Дзинтарс» «Шанелью», да еще «номер пять» — значит убедить партнершу в собственной забавной некомпетенции в парфюмерных вопросах. А заодно и признаться в скрытой симпатии. Это комплимент высшей пробы. Для этого времени, разумеется. Ведь про «Шанель» все только слышали — спасибо милиционеру из «Бриллиантовой руки». А вот нюхали... только разве что тот самый милиционер, и то если верить сценарию.

— Не угадал, — кокетливо повела плечами именинница. — Это не «Шанель».

— «Шанель»! Вас обманули, гражданка. Вам дали гораздо лучшие... духи.

— Вот дурак! А ты знаешь, что должен меня поцеловать?

— Чегой-то вдруг?

— Так надо!

— Ну... ладно тогда. Раз надо... Давай, что ли, свои губы сюда, детка!

— Подожди, — уткнулась она мордашкой мне в плечо. — Я хотела попросить... давай скажем, что уже... поцеловались. Вот сейчас... танцевали и поцеловались... уже. Темно ведь, все равно никто не видит!

В действительно сгущающемся сумраке просяще блеснули ее глаза.

Детский сад!

Я укоризненно вздохнул, скептически качнул головой и неожиданно коротким движением чмокнул ее в уголок рта.

— Все! И врать не надо, — попытался я минимизировать уже готовое вспыхнуть возмущение. — Ни «засосов», ни «французов»...

— Дурак... — беспомощно пискнула Ленка и вновь уткнулась мне в плечо. — Браконьер.

Кажется, на куртке останутся следы от помады.

Мать заметит стопудово. Не к тому, что типа заругает — как за такое можно ругать? Просто начнутся выразительные полувзгляды, полувздохи, кружения вокруг моего брэнного тельца, а потом как бы невзначай равнодушные вопросы с подвохом. Короче, шаманские пляски, одним словом...

— Так ты на «фо-но» рубишь? — чуть заметной грубостью попытался я разбавить казус. — «Сонату», «К Элизе». Да?

Опять блеск глаз в полумраке. Теперь изумленный.

— Ты откуда все это знаешь?

Тоже мне, бином Ньютона.

В музыкальных школах и студиях сейчас учится каждая третья девчонка. Отбирают по слуху и чувству ритма, который у этой подруги явно есть. На скрипки, виолончели, вообще на струнные инструменты идут мало, на баян и гитару родители в большинстве своем отдают мальчишек. Чтоб «веселили компании». Девчонкам остается фортепиано. Даже если специализация другая, факультативно к черно-белым клавишам прикасаются все. Учат по обязаловке тошнотворные этюды, менюэты разные, полифонические навороты Баха — сдали и забыли. Зато «Лунная соната» и багатель «К Элизе» Бетховена — общепризнанный и всеми горячо любимый минимум.

Как ни гадай — не промахнешься.

— Я все про тебя знаю, — вновь шепнул я в доверчивое ухо, придав голосу зловещий оттенок. — Потому что я... пришелец из будущего. Тада-а-ам! И знаю, что с тобой будет дальше.

— Браконьер ты из будущего, а не пришелец, — было мне ответом. — Нехорошо, между прочим, кадрить чужих девчонок, да еще и на вражеской территории. Гляди, как Артем на тебя зыркает, сейчас мимо кружки прольет!

— Ты же сказала, что он фантазер. «Фан-тазер... ты меня называла...»

— А может быть, я пошутила? Или просто хотела заставить поревновать мальчика? Наивные вы пацаны, как... дети малые!

Девочка-вамп!

Которая минуту назад банально трусила поцеловаться.

Я только головой покачал.

— С тобой и не поспоришь. А давай действительно устроим твоему жениху представление с переживаниями. К примеру...

Дальше я ничего не смог произнести.

Потому что ледящий ужас в один миг парализовал мне горло — словно микровзрыв моментальной заморозки. До уровня абсолютного нуля. А по спине, хранившей еще пока остатки человеческого тепла, колючей поземкой побежала

знакомая дрожь. Как тогда в лагере, когда вино в бокале Дианы начало сходить с ума. Вместе со всем миром...

И так же внезапно, как этот непрошенный паралич, у меня появилось...

...Знание.

Не глобальное, нет.

Не абсолютное... к сожалению. До божественных категорий мне как было далеко, так и осталось. У меня появилось малюсенькое, никчемное знание, локализованное во времени и пространстве до смешных величин, — оно ограничивалось размерами комнаты в студенческом общежитии и... шестнадцатью минутами моей предстоящей жизни.

Так вышло, что в каком-то смысле я не соврал имениннице — я действительно знал, что с ней будет. Потому что через пятнадцать минут она...

...умрет.

Глава 3

«ЛУЧШЕ БЫ ТЕБЕ ЭТОГО НЕ ЗНАТЬ»

Это было не предположение.

И предвидением это тоже назвать было трудно.

Не расчетом, не прогнозом, не слепым угадыванием. И даже не твердой уверенностью, какой бы безапелляционной она ни была. Это было самое что ни на есть настоящее Знание!

В чистом виде.

Только так и не иначе.

Без вариантов — ЗНАНИЕ.

Потому что предстоящие минуты общей численностью шестнадцать оборотов секундной стрелки по циферблату — ни больше ни меньше, — я уже... прожил. Лично и непосредственно. Только что. Секунду назад. Ту самую чертову секунду, которая вновь застыла, как муха в янтаре, хоть жужжи, хоть не жужжи. И все эти как в кошмарном сне прошедшие минуты я был именно в этой самой общаге, среди развеселых студентов-строителей, на глазах у которых и умирала эта девочка.

Точнее... умерла.

Окончательно и бесповоротно. По всем признакам — от... асфиксии. От анафилактического шока, надо думать, приключившегося у нее скорей всего из-за аллергии на алкоголь. Да-да, на алкоголь! Именно в нашей стране и именно такая вот редкая аллергия!

Бывает же...

И самое страшное, что весь этот дикий кошмар уже произошел! Это чудовищное, нелепое происшествие уже случилось, уже осталось у меня в памяти за спиной, позади в прошлом. И одновременно... впереди в будущем. В очень недалеком будущем.

Каких-то...

Ничего не понимаю.

Вновь чудовищно кружится голова. Опять «вертолет», мать его вертушечью... прицепился, гад. И не пил ведь вообще ничего. Или пил? Да нет же... отказался.

Это все точно было в реальности — не во сне и не в бреду, я уверен.

Мы танцевали «медляк» с этой именинницей, болтали ни о чем, подкалывали друг друга и смеялись. Потом к нам откуда-то сбоку подгрел Артем с кружками и занудным предложением «остаканиться». Пока я бездарно отнекивался, Ленка, видимо, под впечатлением назревающего любовного треугольника, сулящего головокружительные перспективы в жизни, схватила жестянку, отхлебнула и... тут же, закашлявшись с надрывом, осела на пол, стала задыхаться и царапать себе шею. Кто-то даже заржал, не врубившись, кто-то кому-то стал дурашливо объяснять, что телке, мол, в вино подлили... спирт! Типа он сам видел... ха-ха... пить девочка не умеет... мама не разрешает...

Никто сразу и не понял, что она умирает.

Никто, кроме меня.

Потому что я видел, как она безнадежно и неотвратно уходила, как ни старался я ее реанимировать в силу своих дилетантских медицинских навыков. И вновь кто-то хохотнул нервически, когда я стал вдвухать воздух ей в легкие, рот в рот... и когда в панике давил ей на грудную клетку, раз за разом, обливаясь потом и холодея от заливающего мозг осознания безнадёжности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Проблема выбора</i>	18
<i>Глава 2. Покорение поколения</i>	25
<i>Глава 3. «Лучше бы тебе этого не знать»</i>	36
<i>Глава 4. Отмазался</i>	42
<i>Глава 5. Ну я и кретин</i>	50
<i>Глава 6. Испорченное утро</i>	58
<i>Глава 7. Недоброе в мужиках</i>	67
<i>Глава 8. Загадки Древнего Египта</i>	74
<i>Глава 9. Ума не приложу</i>	81
<i>Глава 10. Размышлизмы о глобальном</i>	89
<i>Глава 11. «За что, братцы?»</i>	96
<i>Глава 12. Запретов нет</i>	103
<i>Глава 13. Сардоническая усмешка</i>	111
<i>Глава 14. Прости, Господи</i>	118
<i>Глава 15. Пролетарии всех стран...</i>	129
<i>Глава 16. Бедный Йорик</i>	136
<i>Глава 17. Великое и ничтожное</i>	143
<i>Глава 18. Княгиня Ольга</i>	150
<i>Глава 19. Волнолом</i>	160
<i>Глава 20. Сильные мира</i>	169
<i>Глава 21. Три отметины</i>	178
<i>Глава 22. Поперек батьки</i>	187
<i>Глава 23. Комиссарский цимес</i>	195
<i>Глава 24. Выпавший в осадок</i>	203
<i>Глава 25. Экспресс-психология</i>	209
<i>Глава 26. Саблезубый заяц</i>	217
<i>Глава 27. Гусары дам не лупят</i>	226
<i>Глава 28. Я разберусь</i>	233
<i>Глава 29. О взрослых пацанах</i>	241

<i>Глава 30. Через две секунды</i>	247
<i>Глава 31. Бег</i>	256
<i>Глава 32. Битва титанов</i>	263
<i>Глава 33. Старичок в мозгах</i>	270
<i>Глава 34. Шлеп-нога</i>	276
<i>Глава 35. Раздражающая субстанция</i>	284
<i>Глава 36. Аутэм</i>	292
<i>Глава 37. Комплексы по Фрейду</i>	303
<i>Глава 38. Заветный камень</i>	311
<i>Глава 39. Кровь да дело</i>	321
<i>Глава 40. По счетчику</i>	328
<i>Эпilog</i>	337